

Архипелаг Москва

Какую часть московской реальности описывает концепция глобального города и в какой мере задача трансформации Москвы в глобальный город отвечает общим интересам? | **ОЛЬГА ВЕНДИНА**

Привычка рассуждать о Москве в категориях целостности — московская экономика, московское сообщество, московская культура — опирается, во-первых, на факт функционального и административного единства города и, во-вторых, на унаследованное от советского времени представление о том, что равенство доступа к городскому сервису, социальным благам и возможностям способно преодолеть социальное неравенство. Если идея юридического единства как административного подчинения сохранила свое значение до сих пор (эта идея лежит в основе неоднократного расширения границ Москвы: ее территориальные пределы увеличились с 285 кв. км в 1930 году до 2 565 кв. км в 2012-м), то равенство «по месту жительства» явно утратило смысл¹. Последним актом социальной справедливости по-советски стало право «бесплатной приватизации» жилья, наделившее людей не только собственностью, но и ответственностью за его содержание. Феномен «нищих собственников дорогих квартир» рассеял иллюзии относительно равенства возможностей. Тезис о том, что Москва — это очень большой, сложно устроенный и разнообразный город, сегодня справедлив как никогда, а вот тезис о единстве и общности Москвы и москвичей оказывается не слишком убедительным. Социальное и имущественное расслоение и резко выросшее этнокультурное разнообразие заметно ослабили мотивацию к единению и усилили тенденции дезинтегра-

ции. Принцип «мы все разные, но нас объединяет то, что мы живем в одном городе» практически не работает, поскольку подавляющее большинство людей руководствуется в жизни утилитарно-эгоистическими, а не общественно-альтруистическими соображениями. В отличие от советского прошлого в сегодняшней жизни уже не декларируется приоритет общих целей над личными интересами. Однако без понимания общих целей, возникающих как результат совпадения и согласования многих интересов, жизнь большого города превращается в клубок неразрешимых противоречий. Декларациями о синтезе культур и цивилизаций, единстве в многообразии и гармоничном развитии делу не поможешь. Чтобы понять, в чем собственно состоят общие цели развития Москвы, нужно хорошо представлять себе существующие различия, степень фрагментарности и контрастности городской социальной и пространственной среды и способы преодоления этой фрагментарности. Цель данной статьи — показать Москву как «архипелаг», состоящий из «островов» городских районов², объединенных общей функциональной инфраструктурой и разъединенных мировоззрением населения, его уровнем благосостояния и образом жизни.

Москва «глобальная» и не очень

В июне 2011 года, выступая на Петербургском экономическом форуме, президент Дмитрий Медведев связал задачи

модернизации страны с необходимостью первоочередного развития глобальных функций столицы и ее превращения в мировой финансовый центр. Спустя год в развитие этой идеи на московском конкурсе, посвященном выработке «Проекта концепции развития Большой Москвы», перед его участниками был поставлен вопрос: «Как сделать Москву глобальным городом и создать социально-экономические условия жизни населения, соответствующие этому высокому статусу?»

Согласно международно признанной методике, существует пять основных критериев определения глобальности города³. Наибольшей значимостью обладают критерии деловой (бизнес-) активности и располагаемого человеческого капитала, но не вообще, а в отношении к глобальному рынку. Индикаторами оценки деловой активности являются число штаб-квартир крупнейших мировых компаний, объемы финансового рынка, развитость сектора деловых услуг, объемы товарооборота и пассажиропотоков через транспортные узлы города, число международных конференций. Человеческий капитал оценивается через призму способности города привлекать «таланты», поэтому ключевыми показателями являются число лиц с высшим образованием, число лиц иностранного происхождения, проживающих в городе, качество университетов, определяемое международными рейтингами, число международных учебных заведений и иностранных студентов. Следующие два критерия — участие в информационных обменах и интенсивность культурной жизни — имеют вдвое меньшую значимость. На последнем месте стоит вовлеченность города в мировой политический процесс. Внешняя политика — это сфера ответственности государства, а роль города — служить удобной и хорошо обустроенной площадкой для переговоров, размещения посольств и представительства, международных организаций и исследовательских центров.

Москва входит в первую двадцатку глобальных городов, и ее положение в рейтингах достаточно стабильно⁴. Нет сомнений в том, что Москва является глобальным городом — вопрос не в этом, а в том, насколько Москва глобальная совпадает с Москвой фактической, какую часть московской реальности описывает концепция глобального города и в какой мере задача трансформации Москвы в глобальный город отвечает общим интересам. Поэтому обратимся к важнейшим индикаторам глобальности, таким как концентрация мест приложения труда в сфере деловых услуг (управление, финансы, аудит, юридическое и информационное сопровождение, консалтинг) и качество населения, и посмотрим, как они маркируют пространство города.

География мест приложения труда

Принято считать, что одной из проблем Москвы является крайне неравномерное распределение мест приложения труда — сверхконцентрация в центре и фактическое отсутствие на окраинах. В действительности исторический центр столицы аккумулирует немногим более трети всех рабочих мест, сверхконцентрация наблюдается лишь в сфере государственного и бизнес-управления, финансов и деловых услуг (65–70 проц.) — эти рабочие места расположены преимущественно в Центральном административном округе. В отличие от центра, занятого государственными учреждениями и крупным бизнесом, окраины — это царство торговли, среднего и малого бизнеса, которые особенно активно развивались в последнее десятилетие, отчего МКАД фактически превратился в главную торговую улицу Москвы. Центр-периферийный контраст в распределении рабочих мест в городе далеко не так велик, как это принято считать. Наблюдаемый эффект частично объясняется несовершенством статистического учета.

Таблица 1

НЕКОТОРЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОСКВЫ И ЛИДИРУЮЩИХ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ МИРА (2010 ГОД)						
ГОРОД	ВВП/ППС, \$	Доля занятых в промышленности, %	Вклад промышленности в ВРП города, %	Доля занятых в секторе услуг, %	Количество жилья в собственности, %	Количество машин на 1000 жителей, шт.
Москва	24,4	11	18	76,3	85	299
Лондон	53,1	4,2	4,0	91	59	341
Париж	47,5	6,9	8,1	86,8	31,9	389
Нью-Йорк	60,5	5,1	5,8	93	33	210

Источники: Всемирный банк (data.worldbank.org), Росстат (www.gks.ru), Мосгосстат (moscow.gks.ru), UK National Statistics (www.statistics.gov.uk), Greater London Authority (www.london.gov.uk), L'Institut national de la statistique et des études économiques (Insee) (www.insee.fr), NYCEDC (www.nycedc.com).

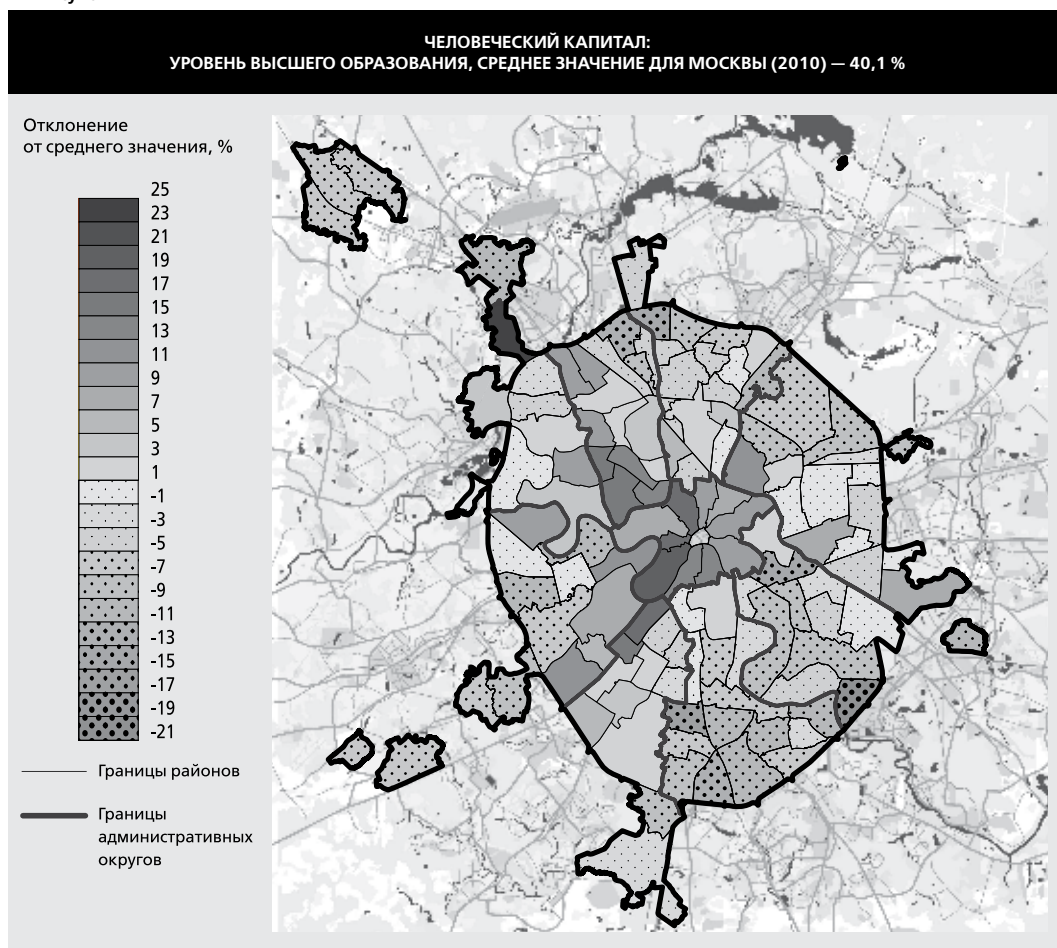
Данные о структуре занятости населения по районам города приводятся Мосгорстатом без учета малого бизнеса, а это практически половина рабочих мест! ⁵ Главное различие между центром и окраинами столицы не в количестве рабочих мест ⁶, а в их качестве и предлагаемой оплате труда.

Другое общепринятое мнение, которое также недостаточно адекватно описывает московские реалии, связано с постиндустриальным характером московской экономики. Хотя промышленность в Москве переживает не лучшие времена, в городе функционируют 1,1 тыс. промышленных предприятий, обеспечивающих 756 тыс. рабочих мест. Вклад индустрии в ВРП столицы — 18 проц., а в консолидированный бюджет города — 11 процентов. (Для сравнения с аналогичными показателями Лондона, Парижа и Нью-Йорка см. таблицу 1 на с. 35.) В Москве существуют не просто индустриальные районы, такие как Люблино, Царицыно, Гольяново, Перово, Новогиреево, Очаково, Солнцево и другие, но и *гипериндустриальные*, где более 50 проц. рабочих мест сосредоточено в промышленности (в Капотне, например, таких 85 проц., в Бирюлёве Западном — 60,3 проц., Северном Медведкове — 52 процента). Московские районы, несущие на себе печать индустриальности, расположены преимущественно на севере, северо-востоке, востоке, юго-востоке и юге столицы за преде-

лами исторического центра. Это «остатки» гигантской промзоны, которую в советские годы характеризовали как «промышленный флюс» ⁷. Обвальная деиндустриализация 1990-х годов привела здесь не к «прорыву» в постиндустриальную экономику, а к развитию обширной сети уличных рынков. С социальной точки зрения, такие районы не очень удобны для жизни, но с экономической — привлекательны для инвестиций, поскольку часть сохраняющихся производств успешно функционирует. Более тридцати московских районов можно определить как транзитные, переживающие процесс дезиндустриализации и являющиеся *индустриально-сервисными* или *сервисно-индустриальными*. В их числе многие районы старой промышленности, такие как Бутырский, Нижегородский, Москворечье-Сабурово или Покровское-Стрешнево. Здесь значительную часть составляет пожилое население и высока доля убыточных производств, но благодаря удобному местоположению и хорошей социальной и транспортной инфраструктуре эти районы представляют интерес для девелоперов и нового строительства.

Районы северо-западного, западного и юго-западного административных округов столицы обладают *сервисной структурой экономики*. Здесь же находятся и наиболее привлекательные жилые кварталы, располагающие всей необходимой инфраструктурой. В полной

Рисунок 1



Источник: Перепись населения, 2010

мере сервисными и *постиндустриальными* могут быть названы лишь районы исторического центра города, но экономический профиль таких районов, как Басманный, Мещанский, Даниловский, Красносельский, деформирует сверхзанятость в сфере транспорта — сказывается центральное местоположение московских вокзалов, их сортировочных станций, складских территорий и ремонтных цехов. В наибольшей степени критериям глобального города отвечает та часть центра Москвы, где концентрируются функ-

ции управления, банковского, аудиторского и юридического сервиса, информационного сопровождения и консалтинга, выставочные площади и высококласные гостиницы. Это районы Арбат, Тверской, Мещанский, Хамовники и Пресненский. Помимо экономических функций, здесь сосредоточена культурная и политическая жизнь столицы.

Обширная московская окраина также неоднородна; тенденции, заданные центральными кварталами, продолжают действовать и за пределами центра. Если на западной

периферии сложились *спальные районы*, которые отличает достаточно развитая социально-транспортная инфраструктура, активно развивающийся рынок труда, сравнительно высокая обеспеченность жильем и хорошая репутация, то на восточной — ситуация менее благоприятная. Бывшие рабочие кварталы Москвы менее обеспечены инфраструктурой, их рынки труда и услуг развиты недостаточно, обеспеченность жильем на уровне средних московских показателей или хуже. В составе населения здесь существенную долю составля-

частью исторический центр и вытянутый с северо-запада на юго-запад. В «выемке» бумеранга оказывается кластер районов, сложившихся на западной окраине Москвы в промышленной зоне Филей, Очакова, Солнцева, Рабочего поселка (см. рисунок 1 на с. 36).

Сравнение экономического профиля районов столицы и уровня образования живущего там населения достаточно наглядно демонстрирует социально-экономический раскол на две Москвы — индустриальную и постиндустриальную, очень разные по каче-

“Московская окраина неоднородна; тенденции, заданные центральными кварталами, продолжают действовать и за пределами центра”.

ют представители — исчезающего в Москве — рабочего класса и новые мигранты.

Чтобы уточнить пределы глобальной Москвы, воспользуемся вторым важнейшим индикатором — *уровнем высшего образования* населения, который позволяет оценить объемы культурного капитала, необходимого для функционирования глобального города. Согласно переписи 2010 года, 40,1 проц. взрослого населения Москвы имеет высшее образование (26,6 проц. — перепись 1989 года, и 29,9 проц. — перепись 2002 года). Значения этого показателя сильно варьируют по районам: в 24 районах города они заметно выше, достигая максимума в Куркино (65,2 проц.) и Хамовниках (61,2 проц.), а в районах Капотня, Северное Чертаново, Лианозово, Нижегородский, Дмитровский, Бирюлёво Западное и Братеево значительно ниже, не дотягивая до уровня 2002 года. Еще в шести десяти районах доля лиц с высшим образованием ниже среднего показателя для Москвы. Ареал жилых кварталов, отличающихся более высоким уровнем образования, достаточно компактен и напоминает по форме бумеранг, накрывающий своей широкой

ству располагаемого человеческого капитала и по стартовым позициям людей. Если статистику дополнить адресной информацией о местоположении федеральных структур, офисов крупного российского и международного бизнеса, наиболее авторитетных университетов, научных центров, посольств, элитного жилья, а также крупнейших торговых моллов, наиболее чувствительных одновременно к стоимости участков земли и платежеспособности населения, то неформальная граница между глобальной Москвой и остальным городом станет еще более очевидной (см. рисунок 2 на с. 39).

Глобальная Москва не совпадает не только с фактическим городом, но и с его постиндустриальной частью, оставляя за своими виртуальными пределами спальные окраины. В деятельность глобальной Москвы вовлечена меньшая часть тех москвичей, которые имеют возможность пользоваться преимуществами глобализации (доходы, контакты, глобальный рынок труда и отдыха). У большинства москвичей такая возможность сильно ограничена; для них главные бонусы связаны со столичной рентой, а не с участи-

ем в глобальном перераспределении денег, ресурсов и власти. Поэтому усиление глобальных функций Москвы означает и усиление социального неравенства, углубление социально-пространственных расколов города, накопление не только «богатства», но и «бедности». Имущественные контрасты трансформируются в социальные конфликты, которые периодически принимают форму протестных акций. Неслучайно в публичном пространстве периодически возникают разговоры — типичные для глобального города — о необходимости введения своего рода имущественного ценза на жизнь в Москве⁸.

Все эти во многом стихийные тенденции свидетельствуют о том, что город по-прежнему нуждается в планировании, в определении того, что соответствует общим интересам. Ориентируясь на задачи «трансформации Москвы в глобальный город», нельзя забывать о негативных последствиях такой трансформации, которые затрагивают большинство москвичей; надо думать о способах интеграции Москвы индустриальной и постиндустриальной, вовлечении населения в процессы социальной и институциональной модернизации. Это ставит вопрос об инструментах консолидации городского сообщества. Учитывая, что социальные механизмы перераспределения богатства не обеспечивают равенства доступа к городским благам и возможностям, основные надежды возлагаются на идентичность — эмоциональную и одновременно социальную связь человека с местом его жизни.

Москвичи и московская идентичность

Городскую идентичность часто определяют как чувство принадлежности к «малой родине» и как местный патриотизм. «Малой родиной» люди считают место, которое в наибольшей степени отвечает их душевному настрою, как правило, это место, где они родились. Однако с местным патриотиз-

мом все иначе. Человек может отстаивать ценность территории для утверждения собственной идентичности, но мотивы тут могут быть разные, иногда диаметрально противоположные. На одном полюсе находятся те, для кого первостепенную важность имеют особость и уникальность места, на другом — те, кто выше ценит возможности самореализации, которые город дает всем и каждому, а также включенность в мировые процессы и принадлежность к более широкому социуму.

В первом случае местный патриотизм сопряжен с представлением о городском сообществе как недифференцированной культурно-самобытной группе, к которой применяются такие характеристики, как укорененность, наличие особой культуры, языка, образа жизни, сакральных ценностей, включая местные «святы места». Во втором случае местный патриотизм допускает разнородность городского сообщества, которое объединяется благодаря осознанию личной ответственности за судьбы города и солидаризуется в решении проблем совместной жизни.

Плюрализм московского общества, определяемый различиями происхождения и социализации людей, экономических укладов и сферы общения, выливается в многообразие культурных и политических следствий, которые не сводятся к общему знаменателю «московской идентичности».

К сожалению, социологических исследований, которые позволили бы судить о сочетании идей самобытности и гражданской ответственности в московской идентичности, чрезвычайно мало⁹, поэтому я буду опираться на исследование 2001 года «Гражданское участие, социальный капитал и перспективы демократического управления в Москве»¹⁰. Несмотря на то что полученные в 2001 году конкретные результаты устарели, те тенденции, которые удалось выявить в проведенном

Рисунок 2

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ И ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОСКВА



тогда опросе, не утратили актуальности и позволяют судить о множественности форм московской идентичности.

Для жителей Москвы характерно сложное сочетание городской (московской), страновой (русской и советской),

наднациональной (европейской и мировой), узколокальной (район, квартал) и этнической идентичностей. Часто жители Москвы не могут выстроить приоритеты и разделить российскую и московскую идентичности. Наиболее значимым для жителей Москвы является ощущение себя «россиянином». «Советская идентичность», хотя и ушла на задний план, все еще сохраняется, и это не только следствие социальной инерции, но и сознание ценности определенного социального порядка¹¹. «Европейская» и «мировая» идентичности апеллируют к «порядкам» иного рода, правам и свободам человека¹², а «этническая» опирается на этноцентричное мировоззрение и отражает сдвиги в этническом составе населения. Этническую принадлежность как наиболее значимую в определении координат собственного мира выдвигают на первый план не только часть недавних мигрантов, но и порядка трех процентов русских москвичей. Московская идентичность занимает второе место после российской и имеет высокую значимость для представителей всех названных групп, включая «этнофоров»¹³. Порядка 20 проц. москвичей естественно соединяют чувства «москвича» и «россиянина» и при этом могут осознавать себя «европейцем» или «советским человеком»; почти половина «европейцев» и «советских людей» ощущают себя «москвичами». Выбор в пользу тех или иных ценностных установок не в последнюю очередь определяется межпоколенческими различиями. Так, европейский выбор принадлежит тем, кто младше 40 лет (68,7 проц.), а советский — тем, кто старше 55 лет (60 проц.). Среди тех, кто идентифицирует себя как «житель своего района», выделяются пожилые старики (41,4 проц.) и 35–45-тилетние (24,1 проц.) — наиболее многочисленная группа в среде недавних мигрантов.

МОСКОВСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ЧУВСТВО «КОРЕННОГО МОСКВИЧА» На чувство «москвича» с очевидностью влияют два фактора — длительность проживания в Москве и место рождения. Согласно переписи-2002, на долю уроженцев Москвы приходилось чуть более половины населения города (53,4 проц.), а переписи-2010 — уже 62 процента. Такой рост доли московских уроженцев в численности населения Москвы плохо объясним, поскольку миграционный прирост уже более двадцати лет компенсирует естественную убыль населения Москвы. Поколения москвичей себя не воспроизводят в полном объеме с послевоенного времени¹⁴.

Как бы то ни было, уроженцы Москвы оказываются значительно «моложе», чем население Москвы в целом. Дети вчерашних мигрантов, рожденные в Москве, становятся «коренными москвичами» в отличие от собственных родителей. Поэтому в молодежной среде доля лиц, определяющих себя прежде всего как «москвичи», несколько выше, чем в старших возрастных группах — 19,8 проц. против 16,8 процента. Но в целом Москва — стареющий город (средний возраст жителей столицы — 40,7 года), в составе ее населения преобладают старшие возрастные группы. Поэтому среди тех, кто считает себя «москвичами», существенно больше пожилых, а значит, «укорененных» московских старожил, а не «коренных москвичей». Возрастная структура населения Москвы влияет и на особенности социально-профессионального состава группы «москвичей»: он выглядит значительно менее современно, нежели характерный для московского социума в целом. На долю лиц рабочих профессий приходится 30,1 проц. работающих «москвичей» и 43,2 проц. пенсионеров. Интеллигенция тяготеет скорее к смешанной «российско-московской» идентичности, а среди руководителей верхнего управленческого звена, предпринимателей и работников правоохранительных органов «москвичей» на удивление мало.

Еще одна характеристика — районы проживания. Изначально предполагалось, что чувство «москвича» будет сильнее выражено у жителей исторических кварталов Москвы, где сохранился дух города, а городская среда красива, разнообразна и соразмерна человеку. Однако результат оказался противоположным: наиболее высока доля «москвичей» среди обитателей городских окраин. Это заставляет думать, что чувство «москвича» определяется вовсе не архитектурно-историческими характеристиками города, а социально-экономическими параметрами московской жизни, то есть не местом, а связанными с ним преимуществами. В качестве «москвичей» люди чувствуют себя членами избранного, элитарного столичного сообщества, которое они хотели бы видеть закрытым для приезжих, а в качестве «коренных москвичей» — группой, наделенной правом преимущественного доступа к московским социальным благам¹⁵. Возникает серьезное подозрение, что такого рода московский патриотизм служит не задачам «защиты» интересов города, а выполняет компенсаторные функции, повышая самооценку людей (раз «москвич», то богатый и успешный) и снижая ощущение внутреннего дискомфорта от неудовлетворенности собственным социальным положением. Отстаивание общих интересов сводится к требованию сохранить за группой «москвичей» статус обладателей преимущественных прав. Для подкрепления этих требований широко привлекаются мифы об особой московской культуре¹⁶ и ее носителях — «коренных москвичах», Москве как «русском» городе и др.

МОСКОВСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ГРАЖДАНСКОЕ

УЧАСТИЕ выглядит иначе, связываясь с представлением об общественной активности, доверии, гражданском контроле. Среди жителей Москвы наиболее подозрительно к окружающему миру (не доверяют никому)

относятся те, кто идентифицирует себя как «житель своего района». Наименьшую лояльность властям проявляют «советские люди», «европейцы» и «этногруппы». При этом «европейцы» не разделяют иллюзий относительно «мудрого государя и плохих бояр», а «советские люди» все-таки сохраняют лояльность первым лицам во властных иерархиях — мэру и президенту. Для всех групп москвичей наиболее приемлемыми формами гражданской активности является голосование на выборах — 83,9 проц. (реально в выборах участвует заметно меньшее число людей) и подписание коллективных обращений — 67,9 процента. Эти формы гражданского участия и сегодня остаются наиболее приемлемыми и действенными. Например, в декабре 2012 года всего за несколько дней было собрано более 100 тыс. подписей против введения в действие Федерального закона № 272, получившего известность благодаря запрету гражданам США усыновлять российских детей-сирот. Тогда же «Новая газета» начала сбор подписей за проведение референдума о недоверии Государственной думе и ее роспуск. Действия, требующие больших персональных усилий, такие как инициирование и составление коллективных обращений, участие в деятельности партий или общественных организаций, вызывают меньше энтузиазма. Еще меньше людей готово участвовать в различных акциях протеста, составляя примерно 12–15 проц. населения Москвы. Различные московские исследования последнего десятилетия дают очень близкие оценки. Так, согласно цитируемому опросу 2001 года, порядка 12 проц. москвичей было готово участвовать в митингах и демонстрациях, 10 проц. — в забастовках и 5 проц. — в пикетах. Согласно ВЦИОМ, в Москве и Петербурге в разные месяцы кризисного 2009 года в массовых выступлениях было готово участвовать 13–17 проц. опрошенных¹⁷. Согласно данным Левада-Центра,

в декабре 2011 года массовые акции протеста однозначно было готово поддержать 12 проц. москвичей, правда, к середине 2012 года волна протестных настроений несколько спала¹⁸.

Несмотря на то что московская политическая культура отличается пассивностью¹⁹, практически в каждой из выделенных групп москвичей был небольшой отряд людей, готовых к активным формам общественной деятельности. Представители этногрупп, нуждающиеся в коллективной защите своих групповых и индивидуальных прав, склон-

характеризующихся смешанным составом населения, — более «номенклатурных», таких как Тверской, или более «рабочих», таких как Измайлово или Северное Медведково. И тех и других мало в бывших рабочих кварталах Москвы.

Таким образом, уже в начале 2000-х годов в Москве были отчетливо выражены разные формы проявления не только московской идентичности, но и политико-гражданской культуры. Конформизм и лояльность одних сталкивались с оппозицией со стороны тех, кто выдвигал на первый план не государ-

“Несмотря на то, что москвичи, прошедшие школу советской социализации, с тех пор постарели, их роль в общественной деятельности по-прежнему значима”.

ны к сбору подписей под коллективными обращениями, а к прямому политическому протесту в большей мере склонны обращаться «европейцы» и «советские люди». При этом «европейцы» скорее не любят такую рутинную работу, как непосредственный сбор подписей, и не верят в эффективность забастовок, а «советские люди», напротив, более склонны к политической рутине и профсоюзной деятельности.

Социально-профессиональный профиль «европейцев» и «советских людей» заметно различается. Среди «европейцев» преобладает интеллигенция, предприниматели и практически полностью отсутствуют работники силовых структур, среди «советских людей» — рабочие, инженеры и служащие, а также военные и руководители, достигшие пенсионного возраста. Социальный состав предопределяет и районы их преимущественного проживания. «Европейцев» больше в районах преобладания интеллигенции, которые хорошо видны на карте расселения лиц с высшим образованием (см. рисунок 1 на с. 36), а «советских людей» — в районах,

ственно-юридические (наличие определенного гражданства), территориальные (место жительства) или статусные (столица) ценности, а универсальные гражданские основания самоопределения и патриотизма. На фоне конформистского большинства среди обитателей Москвы выделялись «москвичи-европейцы» — молодые, открытые изменениям и способные учитывать общие интересы, и «москвичи — советские люди» — не слишком молодые и не стремящиеся к переменам, но разделяющие точку зрения о приоритетности общих интересов. Именно эти две группы составляли основу общности, разделяющей ценности позитивной гражданской московской идентичности²⁰, которая строится на чувстве ответственности и социальной солидарности. Потребовалось десять лет, чтобы эта Москва публично заявила о себе на массовых митингах.

Если сравнить результаты давнего опроса с исследованием, проведенным среди участников протестного движения осени — зимы 2011–2012 годов в Москве²¹ (см. статью Алексея Левинсона в этом номере *Pro et*

Contra), то напрашиваются следующие выводы. Во-первых, наиболее представительную группу среди выходивших на митинги составляли люди, попадавшие в категорию «молодых» в начале 2000-х, или близкие к ним по возрасту. Они не отличались четкими политическими взглядами, зато разделяли чувство общей ответственности за происходящее в стране. Во-вторых, выросла численность молодых людей, ориентированных на гражданские действия, а не только на гражданскую риторику, а сами молодые люди сумели выдвинуть целый ряд гражданских инициатив и создать разные формы волонтерских общественных организаций. Это свидетельствует не только о приобретении нового опыта в результате большей открытости страны и ее интернетизации, но и о наличии механизмов, осуществляющих межпоколенческую трансляцию ценностей и политических взглядов. В-третьих, несмотря на то, что москвичи, прошедшие школу советской социализации, с тех пор постарели, их роль в общественной деятельности по-прежнему значима. Можно утверждать, что без «москвичей-европейцев» и «москвичей — советских людей» начала 2000-х гражданское движение 2010-х в Москве не было бы таким массовым, если бы вообще состоялось. Наконец, около 80 проц. участников протестного гражданского движения составляли люди с высшим образованием и порядка 70 проц. — представители среднего и верхнего среднего класса, причем среди них 60–70 проц. утверждали, что придерживаются демократических и либеральных взглядов. Другими словами, это те, кто наиболее востребован глобальной Москвой и выдвигает запрос на модернизацию и открытость.

Существенные различия в ценностных основаниях и формах выражения московского патриотизма заставляют сомневаться в том, что московская идентичность обладает значительным интеграционным потенциа-

лом. Московская идентичность как чувство «коренных (настоящих) москвичей» работает на исключение из городского сообщества «немосквичей», а московская идентичность как разделяемая ответственность за происходящее в городе является фактором включения. При этом те, кто стоит на гражданских позициях, часто не рассматривают свою «московскость» как ключевое основание самоидентификации, ставя универсальные ценности выше локальных. Это позволяет московским патриотам рассматривать их как «чужих».

Проблема состоит в том, что различия в мировоззрении людей и их идентичности обретают не только социальное, но и пространственное измерение, а значит, и конфликт разных форм московской идентичности выходит из сферы межличностных отношений на городской уровень. Увидеть внутригородские расколы позволяют результаты президентских выборов марта 2012 года, на которых основные соперники в ходе электоральной кампании — Владимир Путин, Михаил Прохоров и Геннадий Зюганов — представляли разные идеологические и ценностные позиции.

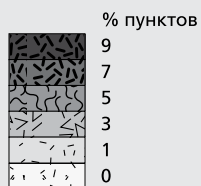
Известно, что Путин не набрал в Москве большинства голосов. Его политический катехизис базировался на идеях неотрадиционализма, которые включали в себя формирование образа врага, антизападничество, апелляцию к «особому пути» развития России и «простому человеку», нестоличному жителю как опоре государственности. Очевидно, что для глобальной Москвы с ее интенцией к открытости и культивированием разнообразия такая идеология представляется чуждой и даже неприемлемой. Пятерку районов, где голоса, поданные за Путина, не превысили 40 проц., составляют Арбат, Дорогомиловский, Хамовники, Гагаринский и Сокол. Это наиболее респектабельные районы столицы, где образованное и успешное население состав-

Рисунок 3

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2012. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ.
ПРОРЕФОРМИСТСКОЕ И ПРОСОВЕТСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ



Просоветское голосование
Г. Зюганов > М. Прохоров



Прореформистское голосование
М. Прохоров > Г. Зюганов



Границы районов

Границы административных округов

ляет большинство. Иная картина характерна для индустриальных районов Москвы. Правило электорального поведения, согласно которому государственно-зависимое население, не слишком информированное и образованное, но очень боящееся любых перемен, держится за существующую власть как за иллюзию стабильности, справедливо не только для индустриальных городов провинциальной России, но и для индустриальных районов Москвы. Характерно, что в районах, обеспечивших большинство голосов Путину, в большей мере распространены радикальные националистические настроения.

Иначе распределились голоса, поданные за Прохорова и Зюганова: оба политика набрали примерно равное число голосов (20,45 проц. и 19,18 проц.), поэтому сравнение их электоральной поддержки позволяет говорить о значимых социальных границах в обществе. Прохоров, независимо от оценок его личности и приписываемой ему роли в электоральной кампании, представлял гражданскую альтернативу привычным политическим фигурам и формулам. Его политический словарь включал понятия «честность», «достоинство», «открытость», «благотворительность», «реформы», «гражданское общество». Зюганов, напротив, использовал привычную риторику «постсоветского советизма», которая сочетает в себе советскую практику и идеи русского православного фундаментализма. На карте Москве районы, где сосредоточены сторонники гражданских ценностей, вполне ожидаемо совпали с кварталами проживания наиболее образованного населения, вовлеченного в постиндустриальную экономику глобальной Москвы (см. рисунок 3 на с. 44). Однако мировоззренческая граница между Москвой, приверженной гражданским ценностям, и той, что сохраняет верность советским представлениям, проявилась отчетливей, чем граница экономическая. Сравнение электоральных результатов

за предшествующие годы свидетельствует о том, что сообщество москвичей, разделяющих дискурс советизма, заметно сократилось; советизм сохраняет относительно сильные позиции лишь на окраинах города, а сообщество лиц, разделяющих гражданские ценности, расширило свои пространственные пределы в столице.

Заключение

В советское время пространственная структура Москвы складывалась под влиянием функционального зонирования территории²² — промзоны, транспорт, жилье, наука и образование, а локализация функций определяла не только размещение населения, но и его социально-профессиональный состав в соответствии с принципом «предприятие/организация — поселок». В постсоветский период сложилась принципиально иная ситуация. Новые функции и виды деятельности пришли туда, где для этого было необходимое качество населения и достаточный уровень обустройства городской среды. Сегодня механизм пространственной дифференциации города приводят в действие не задачи рационального размещения производства и трудовых ресурсов с оглядкой на идеологию, а интересы бизнеса, жизненные программы разных слоев населения и сопряженные с ними виды социальной и экономической активности. Вкупе с процессами глобализации, это привело к формированию в черте Москвы глобального города и укреплению социального базиса сегрегации. Если раньше мы могли говорить об относительной социальной однородности и смешанности населения в районах города, то сегодня сегрегация приобретает не только имущественный, но и мировоззренческий базис, становится частью культуры городской жизни.

Новизна ситуации заключается в том, что «две Москвы»²³, существующие в теле единого города, становятся равноценными по

располагаемым ресурсам. На стороне одной — относительное большинство населения, унаследованные советские представления и нежелание перемен, на стороне другой — социальная активность, финансовые возможности, более высокие жизненные стандарты и более привлекательный образ жизни. Одна Москва ориентирована на интеграцию в мировую экономику и европейское сообщество, другая придерживается антизападничества и рассчитывает на помощь государства. Москва достигла плюрализма, но еще не научилась вести диалог; задачи демократизации жизни города по-прежнему остаются нерешенными. Это значит, что в ближайшей перспективе мы не вернемся к ситуации, когда задачи социальной модернизации (как и контрмодернизации) решались давлением «сверху», но и времена, когда гражданские ценности успешно

транслируются «снизу», еще не наступили. Поэтому вероятный сценарий развития города будет определяться не установками наиболее влиятельных сил или популярными трендами (в этом смысле интересно, что станет с проектом развития новых территорий Москвы), а согласованием интересов и взаимными уступками — и достижением на их основе временных консенсусов.

Диффузия социальных инноваций будет отличаться от плавного поступательного движения технологических, проходя через конфликты и столкновения, в которых ни одна из сторон не может полностью подавить другую. Это замедляет трансформационные процессы, вызывает пессимизм и ощущение стагнации, но повышает шансы на реализацию задач, стоящих перед столицей, включая и выполнение роли лидера в модернизации страны. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Например, в «Стратегии социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года» читаем: «Город не может дать равенства по доходам, но он стремится к сокращению социального неравенства. Город может и должен обеспечить равенство возможностей и свободу выбора по образу жизни, по доступу к основным общественным благам — образованию и месту проживания, отдыху и здоровью, мобильности и информации». См.: Стратегия социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года: Проект. М., 2012 (<http://www.dep.ir.ru/content/c383-page1.html>). Разумеется, дальше мы не найдем разъяснений, как обеспечить «равенство возможностей» и «свободу выбора образа жизни» при неравенстве доходов.

² Согласно переписи населения 2010 года, численность населения московских районов варьирует от 26 до 242,3 тыс. человек, в 52 городских районах она превышает 100 тыс. — это уровень больших городов России! Конечно, сравнение отдельного городского района с городом некорректно. Рынок труда, образования, социального обслуживания и развлечений Москвы функцио-

нирует как единое целое, и жители районов не привязаны к месту жительства, имея относительно широкие возможности выбора мест приложения труда и удовлетворения своих потребностей, чего часто лишены жители провинциальных городов. Тем не менее сопоставление московских районов и провинциальных городов полезно, поскольку позволяет понять, что соседство районов Москвы подобно соседству множества крупных провинциальных городов и проблемы, существующие там, имеют место и в столице. Более того, городское обустройство многих столичных районов не дотягивает до уровня провинциальных городов того же масштаба.

³ Понятие «глобальный город» было введено в научный оборот Саскией Сассен в ее публикации: Sassen S. *The Global City*: N. Y.; L.; Tokyo; Princeton: Princeton Univ. Press, 1991. До этого чаще использовался термин «мировой город», предложенный ранее Джоном Фридманом и Гётцем Вольфом (*Friedman J., Wolff G. World City Formation: An Agenda for Research and Action* // *International Journal of Urban and Regional Research*. No 6. 1982. P. 309–344). Наиболее цитируемые работы,

связанные с классификацией глобальных городов, см.: *Friedman J.* Where We Stand: A Decade of World City Research // *World Cities in a World System* / P. L. Knox, P. J. Taylor (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 21–47; *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996; *Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* World City Network: A New Metageography of The Future? // *Annals, Association of American Geographers*. 2000. Vol. 90. No 1. P. 123–134; *Taylor P. J.* World City Network: A Global Urban Analysis. N.Y.: Routledge, 2004.

⁴ Рейтинги глобальных городов регулярно публикуются журналами *Foreign Policy* и *The Economist*. См. также: 2012 Global Cities Index and Emerging Cities Outlook / A. T. Kearney's Global Business Policy Council (<http://www.atkearney.com/gbpc/global-cities-index>).

⁵ См.: Мосгорстат. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований (http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/municipal_statistics/main_indicators/). Недоучет категории малого бизнеса и, видимо, возникающие в связи с этим претензии привели к тому, что показатели занятости населения вовсе исчезли из статистической ведомости муниципальных образований (районов) Москвы.

⁶ Даже при сравнимом числе рабочих мест в центре и на окраинах их концентрация в центре выше в силу «малости» исторического центра. В этой ситуации нет ничего необычного.

⁷ *Ланно Г.М.* География городов. М: ВЛАДОС, 1997.

⁸ Одной из первых публикаций на эту тему стало интервью главы столичной строительной корпорации «Баркли» Леонида Казинца, данное журналу «Огонек», где он говорит: «Мы хотим, чтобы бедные, неамбициозные люди чувствовали себя комфортно в том городе, который является центром цивилизации. <...> Не хотите напрягаться — езжайте в другие места. Там спокойная жизнь, дешевое жилье и сирень под окнами. Вы же сидите в центре цивилизации, хотите ездить на дорогой машине, есть в дорогом ресторане, жить в дорогой квартире. А что вы для этого сделали? <...> Скажите честно: в этом городе, если ты не получаешь несколько тысяч долларов в месяц, тебе нечего делать. <...> Хотите зарабатывать — зарабатывайте. Нет — переезжайте в отдаленный

город, а к родственникам в Москву — 3 часа на электричке, ничего страшного. Вы по Москве и так по два часа в пробках в одну поездку мучаетесь» (см.: *Данилова Е.* Москва — это правильная тусовка // *Огонек*. 2008. № 5000). Такие рассуждения, но в более стыдливой форме, приходилось слышать неоднократно, в том числе и от представителей московских властей.

⁹ *Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия: Результаты опроса молодых москвичей // *Вестник общественного мнения. Дискуссии*. 2004. № 6 (74). С. 58–70; *Вендина О.* Московская идентичность и идентичность москвичей // *Известия РАН. Серия географическая*. 2012. № 5. С. 27–39; *Рыжова С.* Идентичность москвичей: Опыт исследования // *Социологические исследования*. Август 2008. № 8. С. 40–49.

¹⁰ Проект был реализован Центром геополитических исследований Института географии РАН при финансовой поддержке Национального научного фонда США и участии социологического факультета МГУ. В ходе проекта был проведен квартирный опрос 3 500 москвичей в 17 районах Москвы, включая Зеленоград. Выбор районов опроса был обусловлен типологией, основанной на анализе 52 индикаторов, включая демографические и социальные характеристики населения, политические предпочтения, особенности застройки и рынка недвижимости. Опрос проводился по пропорциональной выборке в зависимости от возраста и образования респондентов.

¹¹ Отношение к советской идентичности как ностальгическому продукту распада СССР, обреченному на отмирание, постепенно заменяется аналитическим подходом к этому феномену и признанием невозможности полного «стирания» советской идентичности из общественного сознания (см., например: *Российская идентичность в Москве и регионах* / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Макс Пресс, 2009; *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009; *Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей*. М.: ИМЭМО РАН, 2011). Внутренней опорой советской идентичности являются мифы о «единстве народа» и «социальной справедливости», а не только жизненный опыт старших поколений. Апелляции к советскому прошлому стали одним из основных политических приемов, используемых как для негативной, так и позитивной консолидации общества и очень важ-

ных для постсоветского национально-государственного строительства.

¹² Согласно исследованиям Института социологии РАН, чувство общности с «европейцами» и «всеми людьми на планете» часто разделяли 6 проц. и 8 проц. россиян, соответственно, а 33 проц. и 36 проц. — ощущали это иногда. (Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад / Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М.: ИС РАН, 2007.)

¹³ Этнофор (от греч. *ethnos* — племя, народ; итальянск. *fora* — наружу, вперед) — индивид, носитель этнического самосознания. Существует множество конкурирующих форм групповой идентичности: по этничности, по политической лояльности, по социальной или профессиональной принадлежности, по месту проживания и проч. Каждая из этих идентичностей — сложное многомерное явление. Поскольку человек ощущает себя членом многих групп, он интуитивно выстраивает для себя иерархию их значимости в соответствии с собственным мировоззрением и системой ценностей. Для этнофоров как носителей этнического самосознания их принадлежность к этнической группе является доминирующим основанием самоопределения, влияющим на восприятие и оценку окружающей реальности. Этнофоры рассматривают все происходящее через призму пользы или вреда для своей этнической группы, которая в их глазах выступает в качестве объективно существующей общности, доказавшей свое право на исключительность, они декларируют свою ответственность за воспроизводство этнического самосознания и сохранность «родной» культуры.

¹⁴ Выяснение причин роста доли уроженцев Москвы за межпереписной период 2002–2010 годов требует дополнительных исследований. Могу высказать лишь некоторые предположения. Во-первых, неудовлетворительное качество проведения переписи могло привести к произвольному и неполному заполнению переписных листов. Во-вторых, антимигрантские настроения, существующие в Москве, могли влиять на настроения приезжих и их социально-психологическое самочувствие. Страхи заставляли людей скрывать информацию о своем происхождении и подчеркивать, что они «свои», а не «чужие». Перепись 2010 года показала аналогичный сдвиг в сторону роста

численности «русских» в Москве с 84 проц. до 91 процента. В-третьих, помимо страха оказаться «чужаком», люди могли руководствоваться и стремлением примкнуть к группе «коренных москвичей» как представителей столичного населения, обладающих, в общественном мнении, полным спектром социальных прав по рождению.

¹⁵ См. например: *Борусяк Л.* Указ. соч.

¹⁶ Например, представление о Москве как социально-культурной целостности, обладающей самобытностью и особой культурой, стоит за предложением создать Кодекс москвича — свод правил жизни в столице — в качестве нормативного предписания для приезжих. В интервью «Российской газете» председатель комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы Михаил Соломенцев рассказал: «Пока существуют неписанные правила, которых обязаны придерживаться жители нашего города. Например, не резать барана во дворе, не жарить шашлык на балконе, не ходить по городу в национальной одежде, разговаривать по-русски... А в ближайшее время мы хотим разработать свод правил, которые помогут быстрее освоиться приезжим, которые остаются в Москве на постоянное место жительства. <...> Приезжает человек, а ему земляки дают книжку: посмотри, почитай, что здесь принято, а что не принято. <...> Суть новой концепции состоит в том, что... создание общности москвичей должно сделать всех жителей столицы членами одной команды, перед которыми стоят одни и те же задачи». См.: Москвичи пяти морей // Российская газета. 2010. 16 июня (<http://www.rg.ru/2010/06/16/solomencev.html>).

¹⁷ Весна и протестные настроения. Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 1209. 2009. 24 апр. (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11782>); Протестные настроения россиян. Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 1221. 2009. 13 мая (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11838>); В ожидании «горячей» осени: протестная активность россиян. Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 1293 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12300>).

¹⁸ Жители шести крупных городов страны о выборах губернаторов и акциях протеста. Пресс-выпуск Левада-Центра. 2012. 5 окт. (<http://www.levada.ru/05-10-2012/zhiteli-shesti-krupnykh-gorodov-strany-o-vyborakh-gubernatorov-i-aktsiyakh-protesta>).

¹⁹ *Козлов Н.Д.* Политические культуры регионов России: Уравнение со многими неизвестными //

ПОЛИС (Политические исследования). 2008. № 4. С. 8–26.

²⁰ В пользу этого вывода говорит развитие многочисленных низовых инициатив, направленных на преобразование городской среды и ее «возвращение» жителям города. С частью из них можно познакомиться в СМИ, журнале «Большой город», на сайтах www.partizanning.ru и Института архитектуры и дизайна «Стрелка», в изданиях молодежного движения «Оккупай» и др.

²¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: Истоки, динамика, результаты. М.: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), 2012.

²² Принципы функционального зонирования территории городов были сформулированы в Афинской

хартии (1933 год), провозгласившей, что зонирование есть мероприятие, осуществленное на плане города в целях обеспечения каждой функции и каждому жителю их правильного места. Функциональное зонирование широко применялось в обосновании множества проектов и генпланов городов, его принципы были закреплены в нормативных документах, что в значительной степени обусловило направленность советского градостроительства.

²³ Если принять во внимание мир гастарбайтеров, численность которых в Москве достигает миллиона человек и которые живут своей параллельной жизнью, соприкасаясь с москвичами лишь в сфере своей трудовой деятельности, то можно считать, что в столице сложилось три слабо связанных социальных мира.